

УДК 314,74 (09) (510)

Веремейчик А.С.
Veremejchik A.S.

Вопросы современной китайской миграции в Россию в работах учёных КНР

Contemporary Chinese migration to Russia in PRC's researchers works

В статье рассматриваются работы исследователей КНР по вопросу современной китайской миграции в Россию. Показано, что основное внимание китайских историков сосредоточено на изучении факторов трансграничной миграции, анализе причин возникновения и распространения представлений о «китайской угрозе», контрмерах по решению «китайского миграционного вопроса».

Ключевые слова: *исследователи КНР, китайско-российская миграция, «китайская угроза», «китайский миграционный вопрос»*

The issues of modern Chinese migration to Russia are discussed by PRC researchers in current article. It shows that Chinese historians mainly pay attention to cross-border migration research, analysis of causes of rise and image expansion about "Chinese threat" as well as countermeasures to solve "Chinese migration problem".

Key words: *PRC researchers, Chinese migration to Russia, "Chinese threat", "Chinese migration problem"*

Массовый наплыв на территорию России китайских мелких торговцев и предпринимателей в начале 1990-х гг., сопровождался появлением многочисленных «нагнетающих страх» материалов в прессе и резкими высказываниями отдельных представителей политической элиты, которые способствовали возрождению в сознании российского общества опасений и тревог, связанных с «китайской угрозой», «демографической экспансией», «жёлтой опасностью». Напряжение стало несколько спадать к середине 1990-х гг. с установлением контроля над миграционным потоками, а также с насыщением информационного пространства работами представителей научного сообщества, призывавшими не нагнетать обстановку, давшими свою оценку, так называемому «китайскому миграционному вопросу».

Данная тема неоднократно привлекала внимание отечественных учёных, позволив рассмотреть китайскую миграцию с самых разных сторон, между тем взгляды исследователей КНР по этому вопросу в российской научной литературе практически не освещались. В настоящей статье мы попытаемся немного восполнить этот пробел, обратившись к

Статья подготовлена при поддержке гранта ОИФН РАН, проект № 12-I-ОИФН-01

ВЕРЕМЕЙЧИК Андрей Сергеевич, младший научный сотрудник Отдела Китаеведения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. (г. Владивосток).

материалам нескольких работ, опубликованных в научных журналах КНР по общественным наукам за последнее десятилетие, специально посвящённых либо затрагивающих вопросы китайской миграции в Россию. Вряд ли можно утверждать, что случайным образом отобранные публикации, выражают мнение всех китайских экспертов, специально исследующих вопросы китайской внешней миграции, либо затрагивающих их в контексте изучения российско-китайских отношений, однако по ним можно судить об имеющихся тенденциях при анализе данной проблемы.

Подробное ознакомление с материалами китайских историков позволяет говорить о наличии интереса преимущественно к трём аспектам: изучению факторов китайско-российской миграции; анализу причин возникновения и распространения представлений о «китайской угрозе», контрмерам по решению «китайского миграционного вопроса».

Среди специальных работ, посвящённых рассмотрению первого аспекта, можно указать совместную публикацию чанчуньских исследователей Чжао Диндуна и Ли Сяошэна [1, с. 61-63]. Авторы, используя положения теории международной миграции, определяют шесть факторов китайско-российской трансграничной миграции: 1) исторический фактор, обусловленный формированием пограничной полосы, что в последующем привело к традиционному пересечению границы населением прилегающих территорий; 2) демографический фактор, связанный с быстрым сокращением населения российских дальневосточных территорий, особенно экономически активной доли, а значит возникновением потребности в иностранной рабочей силе; 3) фактор природных ресурсов, необходимость освоения которых в условиях стремительного сокращения собственных человеческих ресурсов, вынуждает российские власти обратиться к привлечению китайской рабочей силы; 4) институциональный фактор, связанный с действием государственных органов, способных стимулировать, контролировать либо ограничивать миграционные потоки; 5) фактор миграционных сетей, т.е. наличие среди мигрантов тесных родственных и географических связей; 6) фактор глобализации, когда развитие миграции в мировом масштабе отражается на интенсификации локальных трансграничных потоков [1, с. 62-63].

Выделив все эти факторы, авторы стремятся показать соответствие китайско-российских трансграничных потоков мировым тенденциям, указывая одновременно на возможные ограничения, связанные с политикой двух стран.

Аналогичный вопрос в своей работе затронул доктор права Университета Внутренней Монголии Лун Чанхай, подробно остановившись на современных тенденциях роста числа китайских мигрантов в дальневосточных регионах, [2, с. 86-89]. Тенденции роста автор связывает, во-первых, с процессом улучшения китайско-российских двусторонних отношений, совпавшим с переходом России к рыночной экономике и появлением огромного рынка труда. Во-вторых, с внутренней ситуацией в России, когда вследствие трансформации социальной системы, внутренней миграции, высокой смертности, численность населения российских восточных регионов ежегодно сокращалась, обусловив потребность в притоке рабочей силы. В-третьих, с внутренней ситуацией в Китае, а именно, богатыми трудовыми ресурсами, стоимость которых существенно ниже, чем в России [2, с. 88-89].

Из приведённого ряда причин, пожалуй, трудно согласиться с утверждением о существенно низкой стоимости китайского труда по сравнению с российским. Начиная со второй половины 2000-х гг., среднюю заработную плату китайских рабочих и служащих по её покупательной способности уже можно вполне сопоставить со средней зарпла-

той в России с учётом в целом более низких цен на продовольственные и промышленные товары в КНР. Данный тезис подтверждают, как сопоставление официальных статистических данных о среднем доходе на одного члена семьи, так, например, и данные социологического опроса, проведённого ИДВ РАН и Читинским государственным университетом в Забайкальске в 2006 г.

Другой аспект – анализ причин возникновения и распространения представлений о «китайской угрозе», «демографической экспансии», «жёлтой опасности», без преувеличения сказать, вызывает наибольший интерес китайских экспертов, некоторые из которых считают вопросы китайской миграции основным препятствием к развитию российско-китайских отношений [3, с. 26].

В этом ключе одной из наиболее содержательных работ можно считать вышедшую в 2004 г. публикацию докторанта Института мировой истории АОН КНР Ван Сяоцзюй [4, с. 39-42]. На основе детального изучения обширного российского материала автор определяет магистральные направления, с которыми в России ассоциируется «китайская экспансия»: «демографическое», «экономическое» и «военное». В первом случае речь идёт о массовом притоке китайских мигрантов, отражающемся на национальной безопасности; во втором – о контрабандной торговле китайцев, причиняющей ущерб российским экономическим интересам; в третьем – о более боеспособной китайской армии и слабо защищённой российской границе [4, с. 39-40]. Истоки возникновения и распространения этих представлений Ван Сяоцзюй связывает с такими причинами, как изменение в соотношении совокупной мощи Китая и России; резкий контраст в демографической ситуации прилегающих территорий; исторические прения в сфере геополитических отношений; западное провокационное общественное мнение [4, с. 41].

В работе молодого исследователя из Университета Цзинань Дэн Чжитао, вышедшей позднее, частично повторяются вышеизложенные тезисы, но вносятся и новые положения [5, с. 77-80]. Спектр тревог и опасений, сопровождающих китайско-российскую миграцию, исследователь объединяет в формулировку «китайский вопрос миграции». Причины возникновения этого явления, помимо изменения реальных сил двух государств в сторону Китая, ослабления российской экономики, огромного демографического дисбаланса смежных территорий, западного влияния, автор обнаруживает в радикальном русском национализме. По его мнению, именно «ослабление собственной государственной мощи, при виде подъёма и даже превосходства ранее не годившегося в подмётки "младшего брата", задевает чувство собственного достоинства россиян». Другую причину Дэн Чжитао связывает с действиями региональных властей, «намеренно муссирующих проблему» с целью «улучшить свой политический имидж» либо «завуалировать собственную беспомощность в развитии восточного региона». Следующей причиной выступает незаконная деятельность, и неподобающее поведение некоторой части самих китайцев на российской территории, подрывающих имидж китайцев и представляющих лишней повод для «враждебного отношения» к ним [5, с. 78-79].

Дацинская исследователь Ли Минь главным источником «антикитайских суждений» называет «волну китайской миграции на Дальний Восток», связывая распространение теории «жёлтой опасности» исключительно со страхами «угрозы территориальной целостности» и «экономической экспансии» [3, с. 24-26]. Поскольку регион имеет «наибольшую площадь и наименьшую численность населения», то с масштабным наплывом мигрантов, по мнению автора, могут возникать следующие мысли: «с увеличением числа китайцев русские могут превратиться в

национальное меньшинство». Тревоги ещё более усиливаются при «проникновении в жизнь практически каждого россиянина китайских товаров, которые занимают в дальневосточном регионе почти 80% от общего числа предметов широкого потребления [3, с. 24-26].

С течением времени произошло некоторое смещение акцентов в исследовании вопроса «китайской угрозы». Если до первой половины 2000-х гг. все попытки китайских историков были направлены в сторону выявления истоков и распространения опасений, то позже усилия сосредоточились на выяснении их устойчивости в российском обществе.

Профессор Института Северо-Восточной Азии при партийной школе провинции Ляонин Цуй Яопин в своей статье формулирует вопрос следующим образом: «Почему же теория «китайской угрозы» в России по-прежнему актуальна» [6, с. 20-26]. Ответ автор обнаруживает в сохранении либо углублении факторов, возродивших в своё время страхи и опасения. В первую очередь, ввиду «продолжающегося серьёзного демографического кризиса», вызванного сокращением численности постоянного населения и трудовых ресурсов», разрешение которого обнаруживается в «расширенном воспроизводстве и привлечении иммигрантов». Затем в устойчивом динамичном подъёме китайской экономики, свидетельствующем о «тенденциях геополитического ослабления России», что заставляет россиян, в условиях сохранения исторических территориальных прений, опасаться «не вернёт ли Китай силой территорию». И наконец, в национальной психологии, а именно в «свойственной русским сильной этнической ксенофобии», отмечается, что «Россия в целом отрицательно относится к пришлому населению, не только к китайцам, но и к прибывающим из стран СНГ». Продолжает сохраняться, по мнению автора, и воздействие западного общественного мнения, «разжигающего недовольство Китаем», а также региональных властей, «привыкших связывать социальные проблемы на своей территории с китайским присутствием» [6, с. 25-26].

Пагубное влияние антикитайских настроений на экономические связи двух стран заставило китайское научное сообщество задуматься о выработке контрмер, направленных на преодоление негативных тенденций. Некоторые исследователи открыто называют китайскую миграцию основным препятствием к развитию российско-китайских отношений [3, с. 26]. Решение специалисты видят в целом комплексе мер, зачастую с обязательным активным участием двух сторон.

Уже известный нам исследователь Дэн Чжитао в этой связи пишет о необходимости на межгосударственном уровне развивать «реальное бизнес-сотрудничество», обращая внимание на такие моменты, как «управление мигрантами, борьбу с нелегальным пересечением границы и преступностью», а также «совместную координацию в разрешении вопросов мигрантов, что способствовало бы стандартизации и налаживанию управления миграцией». В качестве следующего «профилактического средства» предлагается укреплять «многоплановое сотрудничество и взаимодействие между приграничными территориями», где «придавать значение налаживанию отношений между региональными властями», равно как «усиливать культурный и гуманитарный обмен между различными слоями населения прилегающих территорий». В том числе немалые усилия рекомендуется направить на «усиление пропаганды о дружественной политике в отношении России, о строгом соблюдении Китаем двустороннего пограничного договора, о китайско-российских взаимных выгодах от развития торгово-экономического сотрудничества». Здесь же автор предлагает, используя опыт других стран, показывать важность привлечения мигрантов для экономического развития Даль-

него Востока, указывая на преимущества китайской рабочей силы [5, с. 79-80].

С точки зрения Ли Минь, ключом к решению проблемы китайской миграции может стать усиление сотрудничества и взаимодействия двух стран в пограничной полосе, где необходимо «выстраивать слаженный механизм доверия на региональном уровне, укреплять контакты между народами». Хорошей практикой двустороннего сотрудничества считается проведение мероприятий в рамках «китайского года в России» и «российского года в Китае», призванных благоприятствовать культурному сближению и устранению недопонимания. Ли Минь призывает объединить усилия: с российской стороны, упорядочить региональные программы развития, придерживаться более конструктивных подходов в развитии местной экономики и предоставлении больших возможностей для трудоустройства; с китайской стороны, призывается обратить внимание на имидж рабочей силы, повышать её качество, усиливать предмиграционную подготовку [3, с. 26].

Как справедливо заметил шанхайский исследователь Цзян Хунвэй, исследовавший вопросы отношения российского общества к Китаю, – многое зависит от ситуации в самой России. По его мнению, ослабление государства, ухудшение экономических условий, а также усиление сепаратистских тенденций могут привести к возрождению антикитайских настроений, рост могущества государства, стабилизация экономики, наоборот, способствуют ослаблению страхов в отношении Китая [7, с. 27].

Нельзя не отметить склонность некоторых исследователей к демонстрации выгод, которые приносит и может принести России присутствие китайских мигрантов. К примеру, хэйлунцзянский исследователь Цзян Чжаньмин, исследуя влияние китайских коммерсантов на развитие Дальнего Востока, пишет об их огромном вкладе в экономику региона, в оживление торгового рынка, обеспечение предметами первой необходимости и улучшение условий жизни населения.

Вместе с тем сколько-нибудь значительную иммиграцию китайских коммерсантов на Дальний Восток в ближайшей перспективе автор не прогнозирует. Объясняя это тем, что основную массу мигрантов составляют коммерсанты, нацеленные на получение прибыли, чему не благоприятствует современная экономическая обстановка в регионе. Среди прочих причин, сдерживающих иммиграцию, называют недостаточный уровень общественной безопасности, плохую инвестиционную среду, ксенофобские настроения в российском обществе [8, с. 47].

По представлению упоминаемого ранее профессора Цуй Япина, привлечение китайской рабочей силы является важным каналом интеграции России в АТР. Поскольку Дальний Восток и Сибирь постепенно становятся приоритетными регионами развития, совместное освоение ресурсов этих регионов является благоприятной возможностью придать российско-китайскому стратегическому партнёрству практическое творение [9, с. 36].

В качестве вывода можно отметить, что работы китайских учёных по современной китайской миграции в Россию носят преимущественно прикладной характер, нацелены на изучение динамики факторов миграции, причин распространения и устойчивости представлений о «китайской угрозе», а также выработке соответствующих контрмер. Такой подход предопределён практической направленностью изучаемого вопроса.

Литература

1. 赵定东, 李效生: 历史与现实: 中俄边民跨境流动的社会因素分析. [杂志] // 人口研究. 2003年. 27(3). 页61-63. (Чжао Диндун, Ли Сяошэн. Анализ социальных факторов китайско-российской трансграничной миграции: история и современность // Демографические исследования).
2. 龙长海: 俄罗斯的中国移民: 历史与现状 [杂志] // 绥化学院学报. 2011年. 5. 页86-89. (Лун Чанхай. Китайские мигранты в России: история и современность // Вестник института Суйхуа).
3. 李敏: 俄罗斯远东地区中国移民的发展及现状 [杂志] // 齐齐哈尔大学学报. 2010年. 2. 页 24-26. (Ли Минь. Развитие и современное положение китайской миграции на российском Дальнем Востоке // Вестник Цицикарского университета).
4. 王晓菊: 如何看待近年来俄罗斯的“中国扩张论” [杂志] // 学习与实现. 2004年. 1 (39). 页39-42. (Ван Сяоцзюй. Как относиться к имеющейся в России «теории китайской экспансии» // Изучение и достижение).
5. 邓志涛: 俄境内所谓中国“移民问题”的对策性思考 [杂志] // 世界经济与政治论坛. 2005年. 3. 页77-80. (Дэн Чжитао. Размышления и контрмеры по так называемому китайскому «миграционному вопросу» в российском приграничье // Мировая экономика и политика).
6. 崔亚平: 俄罗斯外贝加尔边疆区的中国劳务 [杂志] // 俄罗斯中亚东欧市场. 2012年. 1. 页20-26. (Цуй Япин. Китайская рабочая сила в Забайкальском крае // Россия, Центральная Азия и Восточная Европа).
7. 江宏伟: 俄国社会如何看待中国 [杂志] // 中国研究. 2005年. 7. 页 25-27. (Цзян Хунвэй. Отношение российского общества к Китаю // Демографические исследования).
8. 姜占民: 当代俄罗斯远东地区的中国移民现象探究 [杂志] // 西伯利亚研究. 2011年. 6. 页45-47. (Цзян Чжаньминь. Углубленное исследование феномена «китайской миграции» на современном российском Дальнем Востоке // Исследования Сибири).
9. 崔亚平: 从历史经济学角度分析俄罗斯远东地区的中国移民 [杂志] // 人口与经济. 2003年. 6. 页32-36. (Цуй Япин. Анализ китайских мигрантов на российском Дальнем Востоке в исторической ретроспективе с экономической точки зрения // Народонаселение и экономика).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. 赵定东, 李效生: 历史与现实: 中俄边民跨境流动的社会因素分析. [杂志] // 人口研究. 2003年. 27(3). 页61-63. (Chzhao Dindun, Li Syaoshehn. Analiz sotsial'nykh faktorov kitajsko-rossijskoj transgranichnoj migratsii: istoriya i sovremennost' // Demograficheskie issledovaniya).
2. 龙长海: 俄罗斯的中国移民: 历史与现状 [杂志] // 绥化学院学报. 2011年. 5. 页86-89. (Lun Chankhaj. Kitajskie migranty v Rossii: istoriya i sovremennost' // Vestnik instituta Sujkhua).
3. 李敏: 俄罗斯远东地区中国移民的发展及现状 [杂志] // 齐齐哈尔大学学报. 2010年. 2. 页 24-26. (Li Min'. Razvitie i sovremennoe polozhenie kitajskoj migratsii na rossijskom Dal'nem Vostoke // Vestnik TSitsikarskogo universiteta).
4. 王晓菊: 如何看待近年来俄罗斯的“中国扩张论” [杂志] // 学习与实现. 2004年. 1 (39). 页39-42. (Van Syaotszyuj. Kak otnosit'sya k imeyushhejsya v Rossii «teorii kitajskoj ehkspansii» // Izuchenie i dostizhenie).
5. 邓志涛: 俄境内所谓中国“移民问题”的对策性思考 [杂志] // 世界经济与政治论坛. 2005年. 3. 页77-80. (Dehn CHzhitao. Razmyshleniya i kontrmery po tak nazyvaemomu kitajskomu «migratsionnomu voprosu» v rossijskom prigranich'e // Mirovaya ehkonomika i politika).

6. 崔亚平: 俄罗斯外贝加尔边疆区的中国劳务 [杂志] // 俄罗斯中亚东欧市场. 2012年. 1. 页20-26. (Tsuj YApin. Kitajskaya rabochaya sila v Zabajkal'skom krae // Rossiya, Tsentral'naya Aziya i Vostochnaya Evropa).

7. 江宏伟: 俄国社会如何看待中国 [杂志] // 中国研究. 2005年. 7. 页 25-27. (Tszyan Khunvehj. Otnoshenie rossijskogo obshhestva k Kitayu // Demograficheskie issledovaniya).

8. 姜占民: 当代俄罗斯远东地区的中国移民现象探究 [杂志] // 西伯利亚研究. 2011年. 6. 页45-47. (Tszyan CHzhan'min'. Uglublennoe issledovanie fenomena «kitajskoj migratsii» na sovremennom rossijskom Dal'nem Vostoke // Issledovaniya Sibiri).

9. 崔亚平: 从历史经济学角度分析俄罗斯远东地区的中国移民 [杂志] // 人口与经济. 2003年. 6. 页32-36. (Tsuj YApin. Analiz kitajskikh migrantov na rossijskom Dal'nem Vostoke v istoricheskoy retrospektive s ehkonomicheskoy točki zreniya // Narodonaselenie i ehkonomika).